

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Ответственный за рубрику:
Муслимов С.Ш.
© Исламоведение, 2018. Т. 9, № 1 (35)

ACADEMIC LIFE
Person in charge of the section: Muslimov S.Sh.
© Islamic Studies (Islamovedenie), 2018. Vol. 9,
№ 1 (35)

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-91-98

УДК 297:726.2

Е.И. Кононенко¹

Содержание статьи

Введение
Содержание
Заключение

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08.08.2017.
Передана на рецензию: 09.08.2017.
Получена рецензия: 21.08.2017.
Принята в номер: 26.01.2018.

**Архитектура современной мечети: опыт систематизации
(рецензия на монографию С.М. Червонной «Современная мечеть.
Отечественный и мировой опыт Новейшего времени» (Торунь, 2016))**

*Сектор искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания;
Москва; j_kononenko@inbox.ru*

В книге С. Червонной, выпущенной Польским институтом исследований мирового искусства, собран и обобщен огромный материал современной культовой архитектуры ислама. Объектом исследования стали, в частности, взаимоотношения региональных традиций и модернистских поисков как части глобализации современной культуры на фоне активизации мусульманской духовной жизни. В книге отражены возможности интерпретации (в т. ч. метафорической) архитектурной иконографии мечети и сложившиеся позиции исследователей. Работа подводит итог целому ряду исследований последних лет и одновременно служит стартовой позицией для продолжения изучения архитектуры мечети на новом уровне.

Ключевые слова: *современная мечеть, систематизация, интерпретация, иконография.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-91-98

UDC 297:726.2

Е.И. Кононенко²

Content
of the article

Introduction.
Content.
Conclusion.

Information
about the article

Received: 08.08.2017.
Submitted for review: 09.08.2017.
Review received: 21.08.2017.
Accepted for publication:
26.01.2018.

¹ Кононенко Евгений Иванович – кандидат искусствоведения, ученый секретарь, зав. сектором искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания. – Москва, orcid.org/0000-0003-4579-8653.

² Evgenii Ivanovich Kononenko – Ph.D. (History of Arts), academic secretary, head of the Department of Asian and African Arts, at the State Institute of Art Studies (Moscow) orcid.org/0000-0003-4579-8653.

**The Architecture of the Contemporary Mosque: an Experience of Systematization
(A review of "Contemporary Mosque. Domestic and International Experience
in the Recent History" by S.M. Chervonnaya S.M. Toryn, 2016)**

In her book, published by the Polish Institute for World Art Studies, S. Chervonnaya collected and summarized a wealth of material on the contemporary hieratic architecture of Islam. The specific object of the study is the relationship of regional traditions and modernist searches as part of the globalization of contemporary culture against the backdrop of the activation of Muslim spiritual life. The book reflects the possibilities of interpreting (including the metaphorical one) the architectural iconography of the mosque and the established positions of researchers. The work reviews the results of a series of recent studies and can be viewed as a starting point for investigating the mosque architecture at a new level.

Keywords: *contemporary mosque, systematization, interpretation, iconography.*

Введение

В последние годы в русскоязычной литературе появился сразу целый ряд исследований, посвященных архитектуре современных мечетей. Одна из причин этого интереса была сформулирована Ш.М. Шукуровым: это способность и даже нацеленность мечети на трансформацию ее архитектурной оболочки [5, с. 10], особенно актуальная для архитекторов в условиях оживления культового строительства (не только мусульманского). В отличие от храмов, планировка, композиция, иконография и символика которых закреплены в священных текстах других религий, молитвенные здания ислама не следуют жестким нормативам и предоставляют заказчикам и зодчим возможности как следования уже существующим региональным традициям, так и свободное толкование ничем не лимитированных форм мечети и использование ультрасовременных материалов и конструкций при строительстве.

Польский институт исследований мирового искусства в 2016 г. издал на русском языке почти пятисотстраничную работу С.М. Червонной «Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени». На первой же странице автор отмечает: «Изучение современного ислама (исламской культуры в современном мире) без учета эволюции исламской сакральной архитектуры и развития архитектурной мысли, направленной на сохранение, обогащение, трансформацию, а порою и решительную ломку традиций, сложившихся в области этого сакрального зодчества, окажется неполным» [4, с. 9], и указывает, что исследование мечети не может принадлежать исключительно архитектуроведению, но оказывается на стыке дисциплин культурной антропологии. Определению различных подходов – «теоретическим и практическим аспектам изучения современных мечетей» – посвящено обширное Введение, в котором рассматриваются и роль мечети в исламе, и связанные с ней представления мусульман, и «символично-метафорические смыслы основных архитектурных компонентов», и основные традиции и школы мусульманского зодчества. Важную часть Введения составляет необходимый для серьезного научного исследования историографический раздел, в котором, помимо характеристик довольно полного корпуса существующих работ, отдельное место уделено собственным экспедициям автора, особенностям накопления использованного фактического материала и критериям его отбора. Здесь ценным кажется признание, что книга «предполагает анализ и показ не только достижений, но и слабых

сторон этой архитектуры, присущей ей эклектики, несовершенства, разных уровней профессионализма и зрелости архитекторов» [4, с. 65].

Основную часть хорошо иллюстрированного текста составляют главы, в которых архитектура мечети рассматривается по крупным регионам как имеющим многовековые традиции исламского зодчества, так и подключенным к созданию мусульманской культуры лишь в последние десятилетия: Азия (арабские страны, Иран, Средняя Азия, Турция и т. д.), районы Африки (не только «традиционный» Магриб, но и «исламский пояс "черной Африки"» и ЮАР), Европа (Северо-Восточная, Юго-Восточная, Западная), Северная и Латинская Америка. Нельзя не отметить неравномерность привлекаемого материала и объема глав (глава I, «европейская» – почти 200 страниц, «американская», глава IV – лишь 13). Впрочем, о региональных традициях архитектуры мечети, как и об отдельных городах, памятниках, современных зодчих, есть другие исследования, многие из которых упомянуты в историографическом разделе, и в этой неравномерности можно видеть определенную авторскую честность – сосредоточение на более известном автору материале или же выделение не отраженных в историографии групп памятников (мечети литовских татар, татарские мечети в Финляндии). Этот «отечественный» опыт (в понимании автора – «в широких границах проживания мусульманских народов, составлявших в прошлом колониальный мир Российской империи» (с. 477)) оказывается в центре внимания – с него начинается предметный разговор (Глава I), он в соответствии с названием книги сопоставляется и с крупными историческими традициями зодчества, и «с общими тенденциями глобализации художественной культуры, с разработкой модернистских и постмодернистских архитектурных концепций» [4, с. 477].

С.М. Червонная предлагает читателю полноценный (хотя и не исчерпывающий) каталог памятников культовой архитектуры ислама, сгруппированный по географическому признаку. Важным достоинством работы, усиливающим впечатление «энциклопедичности», является составленный автором «Словарь известных художников и архитекторов, проектировавших, строивших и украшавших мечети Новейшего времени» [4, с. 415–433]. Этот раздел не только содержит биографические сведения об упоминаемых мастерах и перечисляет их работы (как архитектурные сооружения, так и книги), но мог бы стать и авторитетным образцом при транслитерации имен, приводя их выверенное написание на русском языке. Мог бы, если бы не содержащиеся в этом глоссарии досадные ошибки: например, статья «персоналия» устанавливает написание имени известного архитектора пакистанского происхождения «Гулзар Хайдер», но на этой же странице в биографической статье о М. Халиле указано его соавторство «с Гульзаром Хайдером» [4, с. 430]. Понятно, что речь идет об одной и той же фигуре, и мягкое «л» в русскоязычной практике передается по-разному (пример тому – «равноправное» написание арабских определенных артиклей *аль-*, *ал-* и даже *эль-*). Однако этот «упущенный» (возможно, польскими издателями) мягкий знак снижает доверие именно к *словарю*. Другой не менее досадный пример на том же развороте издания – превращение династии турецких архитекторов Чиниджи в «Чиничи» с непонятной заменой и турецкого написания фамилии (Çinici вместо «словарного» Çinici [8]); так же и Хюсрев Тайла (Hüsrev Tayla [14]) почему-то стал «Тайлером» [4, с. 266, 275, 427].

Однако трудоемким рассмотрением отдельных памятников и региональных школ, их «каталогизацией» и сведением мастеров в словарь значение проделанной автором работы далеко не исчерпывается. Уже открыв «Содержание» книги, читатель вместо необходимых, но часто, увы, формализованных Введения и Заключения увидит два больших текстовых блока, в которые вынесен обзор серьезных научных проблем, обобщающих фактический материал «каталожных» глав монографии.

В качестве «Введения» в данном случае помещен очерк «Мечеть как зеркало ислама: некоторые теоретические и практические аспекты изучения современных мечетей».

Разделами этого очерка являются не только уже упомянутая историография и беглый ретроспективный обзор национальных и региональных архитектурных школ, но и небольшие проблемные параграфы, с разных сторон подводящие читателя к дальнейшему разговору о современных мечетях: «Дом Бога или Дом человека?», «Практическое назначение и символично-метафорические смыслы основных архитектурных компонентов мечети», «К вопросу об "исламском Возрождении"» (здесь речь идет об активизации мусульманской духовной жизни и соответственно культового зодчества как об одном из факторов поисков новых форм мечети) и т. д.

«Заключение» также разделено на проблемные рубрики: «К вопросу о типологии современных мечетей», «Мечеть в урбанистическом пространстве...», «Диалектика новаторского и традиционного начала в современном исламском культовом зодчестве...». Безусловно, исчерпывающе раскрыть столь объемные темы, как архитектурная типология, урбанистический контекст, сочетание традиции и новаторства, «мечеть как архаический пласт культуры», мечеть «как явление модернизма и постмодернизма» в небольших главках Заключения невозможно. Кроме того, по каждому из выделенных вопросов существуют не просто отдельные исследования, но даже полноценная научная полемика. С.М. Червонная вполне могла пойти простым путем: по примеру многих коллег-архитектуроведов лишь констатировать многообразие поисков мастеров, и для «Заключения» к монографии этого было бы достаточно. Однако, предварив конкретный фактический материал «теоретическими» вопросами («что такое мечеть?»), она в качестве «подведения итогов» предпочла предложить читателю новые вопросы и проблемы, уже практического характера: «что такое *современная* мечеть, какой она может и должна быть?». Для этого и понадобились обращения к типологии, градостроению, архитектурной экологии, традиционализму и постмодернизму... Более того, говоря о возможностях построения типологии современных мечетей, автор отмечает целый ряд возможных (и отчасти существующих в специальной литературе) «парадигм»: социальная роль мечети, приоритетные функции, социальный заказ, топографическое функционирование, не говоря уже о собственно архитектуроведческих дефинициях [4, с. 398–399].

Таким образом, читателю демонстрируется, что систематизированный материал – мечети арабские, турецкие, «сахарского типа», европейские и т. д. – должен быть рассмотрен в широком исследовательском контексте, и предлагаемая монография ценна не только и не столько как каталог архитектурных произведений или именной справочник мастеров, сколько как инструмент для постановки новых вопросов и продолжения исследования. Если в недавней работе Ш. Шукурова прослеживались архитектурные истоки (притом лишь некоторые) современной мечети [5], то книга С.М. Червонной, пожалуй, констатирует фактические результаты этого процесса по состоянию на момент завершения текста (так, глаголы в словарной статье о Захе Хадид оставлены в настоящем времени) и намечает направления как развития архитектурной практики, так и ее теоретической интерпретации.

А вот об интерпретации мечети хотелось бы сказать особо.

В современной литературе о мечети легко выделить две основные авторские позиции. Первая, представленная прежде всего мусульманскими исследователями, исходит из посылки, что мечеть в некоей символической форме должна отражать ценности ислама и направлена на «архитектурное прочтение сокрытых идей» [7; 8; 10; 12; 15]. Авторы большого количества книг отмечают наличие в архитектуре мечети символизма Божественного и человеческого начал, космического и метафизического порядка, суфийской мудрости, отражение какой-то особой исламской эстетики, однако о том, какими средствами могут быть выражены «сокрытые идеи», как именно конкретные архитектурные формы символизируют исламское мировоззрение и тем более об архитектурных конструкциях, планировке, оформлении пространства не говорится ни

слова. Некоторые исследователи оговаривают вторичность форм по отношению к функциональности зданий, находя обоснование подобного «конфликта» в декларируемом исламом балансе между материальным и духовным существованием, но чаще ограничиваются самыми общими фразами о том, что «исламская архитектура дает представление о верованиях и практике мусульман на протяжении всей истории», не забывая обвинить европейских коллег в «недостатке заинтересованности», непонимании духовных основ ислама и даже в намеренном принижении достижений мусульманского зодчества [10].

Вторая исследовательская позиция, разделяемая, как правило, европейскими учеными, опирается на поиск храмовой символики с помощью отработанных методов архитектурной иконографии и иконологии. Действительно, «храмовая постройка в наиболее развитых религиозных системах всегда отягощена структурированным и систематизированным комплексом представлений, отсылающих к кардинальным и менее явным проблемам теологии, мистики, философии <...> Образ Храма вбирает в себя все мыслимые и немыслимые основания мироустройства» [6, с. 7]. Однако академические исследователи часто забывают, что такая символика может быть найдена только там, где есть четкая фиксация представления о Храме в священных текстах: «исток смысла для сакрального искусства вообще и зодчества в частности мыслится принципиально за пределами этого самого искусства, получающего его извне – например, из Священного Писания, из богословской, экзегетической традиции» [2, с. 95].

Исламская теология оказалась на удивление индифферентна и к представлению о «сакральном», и к формулировке пространственных представлений, и к закреплению их в культовой архитектуре [3; 11]. Мечеть не является сакральной постройкой, она формально не должна восприниматься как образ мира, моделировать космологию и/или символизировать какие-либо теологические и пространственные представления. «Мечеть – не храм» – все исследователи исламского зодчества начинают свои работы с этого (или схожего) тезиса, но далее, привычно видя в культовой постройке модель мира, настойчиво ищут в архитектуре мечети *храмовый* символизм и пользуются для изучения *не-храма* методами, отточенными, если не исключительно, то, прежде всего, для *сакральных* построек.

Монография С.М. Червонной не лишена этого недостатка. Автор оговаривает: «Мечеть не является храмом в точном значении этого слова. Здесь не совершается никаких таинств, жертвоприношений, магических обрядов, это не место, где, по мнению верующих, действуют высшие силы или обитают божества, это прежде всего дом людей, собирающихся в нем для совместной молитвы» [4, с. 11]. Однако далее автор указывает, что «духовное, сакральное, философское, символическое значение этих произведений (зданий мечетей – Е.К.) и важнейших их составляющих предопределено исламским вероучением» [4, с. 22]. Какое именно значение, как оно определено, какой частью вероучения ислама, – эти вопросы не поставлены, ответа на них нет и быть не может, поэтому авторское заявление вынужденно оставлено пустой декларацией.

Автор «Современной мечети» с удовольствием пользуется навязанной метафорой «Мечеть – зеркало ислама» [13, с. 31] (так названо Введение), однако за этой метафорой не стоят никакие реалии, связанные с собственно религиозными доктринами. Правда, сама же С.М. Червонная выражает сомнения в правомерности использования терминов «метафора» и «символ» применительно к исламскому искусству и справедливо отмечает частую подмену подобных понятий в работах своих коллег [4, с. 23–25].

Объем монографии, ее задачи, весь исследовательский опыт позволили С.М. Червонной отразить обе представленные позиции интерпретаторов мечети, не акцентируя их и не противопоставляя друг другу. В первых разделах Введения («Дом Бога или Дом человека?», «Мечеть – наш общий дом», «Мечеть – весь мир») автор суммирует те

представления о значении мечети в исламском обществе и культуре, которые находят отражение в работах исламских же авторов (правда, используя термин «сакральное», но оговаривая «жанровую» условность его употребления [4, с. 16]). В отличие от очень многих исследователей, подающих мечеть как некую непрременную составляющую культа, С.М. Червоная оговаривает «необязательность» архитектурно организованного ритуального пространства для осуществления молитвенной практики и формулирует интересный парадокс: «В исламской культуре мечеть играет огромную роль именно как архитектурное сооружение. Мусульмане могут совершать намаз в любом месте, но <...> придают первостепенное значение строительству и художественному оформлению мечетей <...> Им чрезвычайно нужна мечеть-здание, причем здание заметное, привлекающее внимание высотой, красотой внешнего и внутреннего убранства, особенными составляющими архитектурного целого» (с. 19). Этот тезис позволяет перейти от «общего» (от вопроса «что такое мечеть?») к «частному» (в данном случае – «какой мечеть может быть?»), т. е. от обозначения возможности «геологической» интерпретации мечети к ее иконографическому анализу.

Посылки обращения к иконографии автор скрывает за словесной конструкцией «символико-метафорические смыслы», пользуясь также термином *батин*, значение которого («сокрытое, тайное, эзотерическое [проявление бытия]») в данном случае искажается. Однако речь идет не о богословских поисках «скрытого смысла», а исключительно о попытках интерпретации форм, как и любое толкование, субъективных, и в случае с исламской культурой, остающихся без теологической аргументации. Можно было бы отметить как некритичное следование С.М. Червоной нуждающимся в уточнении посылкам ее предшественников и коллег, так и случаи расхождения ее мнения с оценками других исследователей в вопросах о, например, происхождении и значении минбара, куполов, необходимости вертикальной доминанты мечети и т. д. Однако, во-первых, эти посылки и расхождения должны анализироваться в отдельной специальной статье об интерпретации архитектуры мечети, а, во-вторых, сам акт интерпретации предполагает задействование субъективного опыта исследователя [2, с. 100]. Свой опыт С.М. Червоная и предложила (напомню, что слово «опыт» вынесено в название книги), и только читателю решать – согласиться ли с умозаключениями данного автора, предпочесть ли чью-то иную интерпретацию или же при наличии исследовательской воли и личного опыта предложить собственную.

Важно, что С.М. Червоная (опять-таки в отличие от многих предшественников) не пытается распространить иконографические интерпретации отдельных памятников (как правило, признанных шедевров) на «мечеть вообще» и указывает на «принципиальное различие между мечетями, являющимися произведениями архитектуры, с одной стороны, и многочисленными молельными домами, а также открытыми площадками, используемыми для молений, но художественно никак не оформленными, с другой стороны» [4, с. 398], добавляя, что данные границы оценок весьма подвижны. К сожалению, этот тезис не акцентирован автором, хотя и перекликается с замечанием исследователя иконографии христианской архитектуры С. Ванеяна о феноменологических различиях между «помысленным» и построенным зданиями [2, с. 96–97; 1, с. 145], за признанием которых следуют вопросы о возможности «изобразительности» архитектуры (прежде всего культовой) и соответственно о ее семантике, символике, значении, лежащие в основе иконографического метода. Показательно, что этот тезис озвучен С.М. Червоной уже в Заключение, и он может и должен стать посылкой для продолжения работы.

Под обложкой «Современной мечети» заключается исследование, не только систематизирующее и вводящее в научный оборот разнообразный фактический материал, но и вполне отражающее нынешнее состояние изучения предмета, позволяющее

акцентировать накопившиеся методические недостатки, предлагающее готовые постановки вопросов и создающее фундамент для дальнейшего изучения архитектуры мечети. Благодаря объему, полноте «каталога» памятников и его географическому охвату, широте обозначенных проблем и «парадигм» без «Современной мечети» при продолжении работы с исламской культовой архитектурой обойтись будет сложно. Для опытного исследователя монография С.М. Червонной – значимая веха в историографии изучения мечети, обобщающая накопленный материал и демонстрирующая различные возможности и уровни работы с ним. Для начинающего – прекрасная стартовая позиция, позволяющая создать представление не только о разнообразии путей развития мечети, но и о целом круге вопросов, связанных как с иконографией архитектуры, так и с исламоведением.

Литература

1. Ванеян С.С. Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. – М., 2010.
2. Ванеян С.С. Архитектура и иконография (проблемы классических методов истории искусства) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 2007. – № 2. – С. 92–104.
3. Гусенова Д.А. Сакральное в культовой практике ислама // Исламоведение. – 2016. – № 2. – С. 60–72.
4. Червонная С.М. Современная мечеть: отечественный и мировой опыт Новейшего времени. – Варшава: Польский ин-т исслед. мирового искусства. – 2016. – 478 с.
5. Шукуров Ш.М. Архитектура современной мечети. Истоки. – М., 2014.
6. Шукуров Ш.М. Образ Храма. *Imago Templi*. – М., 2002.
7. Akkash S. *Cosmology and Architecture in Premodern Islam. An Architectural Reading of Mystical Ideas*. – Albany, 2005.
8. Alami M.H. *Art and Architecture in the Islamic tradition. Aesthetics, Politics and Desire in Early Islam*. L., 2011.
9. Behruz Çinici. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://tr.wikipedia.org/wiki/Behruz_Çinici (обращение 01.08.2017).
10. Ghasemzadeh B., Fathebaghali A., Tarvirdinassab A. Symbols and signs in Islamic architecture // *European review of artistic studies*. – 2013. – Vol. 4, № 3. – P. 62–78.
11. Grabar O. The Iconography of Islamic Architecture // *Grabar O. Early Islamic Art, 650–1100. Vol. I. Constructing the Study of Islamic Art*. – Hampshire, 2005. – P. 69–86.
12. Haider G.S. *On What Makes Architecture Islamic: Some Reflections and a Proposal // Understanding Islamic Architecture / ed. A. Petruccioli, K. Pirani*. – L., 2002. – P. 19–26.
13. Hillenbrand R. *Islamic Architecture. Form, function and meaning*. – Edinburgh, 1994.
14. Hüsrev Tayla. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://tr.wikipedia.org/wiki/Hüsrev_Tayla (обращение 01.08.2017)
15. Mahmutcehaljic R. *The Mosque. The Heart of Submission*. – N.Y., 2006.

References

1. Vaneyan S.S. *Telo simvola. Arhitekturnyj simbolizm v zerkale klassicheskoy metodologii* [*The body of the symbol. Architectural symbolism in the mirror of classical methodology*]. Moscow, 2010. (in Russian)
2. Vaneyan S.S. *Arhitektura i ikonografiya (problemy klassicheskikh metodov istorii iskusstva)* [Architecture and iconography (problems of classical methods of art history)] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. [The Moscow University Herald. Ser. 8: History] 2007, no. 2. P. 92–104. (in Russian)

3. Gusenova D.A. Sakralnoe v kul'tovoy praktike islama [*Sacred in the cult practice of Islam*] *Islamovedenie*. [*Islamic studies*] 2016, no. 2. P. 60–72. (in Russian)
4. Chervonnaya S.M. *Sovremennaya mechet' [Tekst]: otechestvennyi i mirovoi opyt Noveishego vremeni*. [*Modern mosque [Text]: domestic and world experience of modern times*] Warsaw. The Polish Institute of research. World Art; Toruń: Tacos, cop. 2016. – 478 p.
5. Shukurov Sh.M. *Arhitektura sovremennoy mecheti. Istoki* [*Architecture of modern mosque. The Sources*]. Moscow, 2014. (in Russian)
6. Shukurov Sh.M. *Obraz Hrama. Imago Templi* [*The Image of Temple*]. Moscow, 2002. (in Russian)
7. Akkach S. *Cosmology and Architecture in Premodern Islam. An Architectural Reading of Mystical Ideas*. Albany, 2005.
8. Alami M.H. *Art and Architecture in the Islamic tradition. Aesthetics, Politics and Desire in Early Islam*. L., 2011.
9. Behruz Çinici. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Hüsrev_Tayla (appeal 01.08.2017)
10. Ghasemzadeh B., Fathebaghali A., Tarvirdinassab A. Symbols and signs in Islamic architecture. *European review of artistic studies*. 2013. Vol. 4, no. 3. P. 62–78.
11. Grabar O. The Iconography of Islamic Architecture. *Grabar O. Early Islamic Art, 650–1100. Vol. I. Constructing the Study of Islamic Art*. Hampshire, 2005. P. 69–86.
12. Haider G.S. On What Makes Architecture Islamic: Some Reflections and a Proposal. *Understanding Islamic Architecture / ed. A. Petruccioli, K. Pirani*. L., 2002. P. 19–26.
13. Hillenbrand R. *Islamic Architecture. Form, function and meaning*. Edinburgh, 1994.
14. Hüsrev Tayla. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Behruz_Çinici (appeal 01.08.2017)
15. Mahmutcehaljic R. *The Mosque. The Heart of Submission*. N.Y., 2006.